

ԹՅՈՒՂՔԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ

ТЮРКСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ДОИСЛАМСКОЙ ТРАНСОКСИАНЫ

В обозначенный исторический период (VI-VIII вв.) влияние тюрков на внешнеполитическое развитие Трансоксианы прошло через несколько этапов. Превратившись в решающий фактор региональной геополитики после сокрушения тюрками государства гуннов-эфталитов, это влияние было сведено к нулю в результате завоевания среднеазиатского междуречья Омейядским халифатом в середине VIII ст. На протяжении этого значительного двухвекового отрезка времени радикально менялась не только международная обстановка, определенную эволюцию претерпели взаимоотношения кочевников тюрков и земледельческого населения Средней Азии

В основном это население проживало в междуречье Амударьи (Окса) и Сырдарьи (Яксарта), в античный период именовавшемся Трансоксианой. Исторически она не являлась единой страной и состояла из множества лоскутных владений вокруг торговых городов и оазисов, границы которых определялись естественными рубежами. Исключительные ландшафтные и рельефные особенности края - изрезанность могучими горными хребтами и пустынями, предопределяли развитие в его разделенных оазисах и долинах самобытной экономической, и государственной жизни. Главными владениями здесь были древние Самарканд и Бухара, вместе составлявшие античную Согдиану (Согд). Восточная присырдарьинская часть Согды в начале нашей эры выделилась в отдельную культурно-государственную область - Уструшану. На правом берегу бассейна средней Сырдарьи расположились небольшие владения-оазисы Илак, Чач, Отрар, Испиджаб, а далеко на севере и востоке - Хафтруд (Семиречье), соседствовавший с Алтаем на севере и Великой Китайской стеной на востоке¹.

¹ K Shiratori, *A study on Su-te or Sogdiana*, Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (The Oriental Library), Tokyo, 1928, № 2, p. 81-145.

В Приаралье на нижней Амударье лежал Хорезм. На обоих берегах средней Амударьи располагался Тохаристан (наследник древней Бактрии), на правобережье Амударьи и на реке Вахш – Хутталь со столицей в городе Хульбук, в бассейне Сурхандарьи – Кабадиан, к югу и западу от Пянджа – Бадахшан, по верховьям рек Кафирнигана, Вахша и Пянджа – мелкие горные княжества Ахарун, Шуман, Рашт, Кумед, Дарваз, Угнан, Рушан, Ишкашим, Вахан².

На месте древних маргианских и парфянских земель – в бассейнах Мургаба и Герируда в период самой поздней античности появляется Хорасан³.

Раздельное существование свыше двадцати квази независимых владений, управлявшихся местными потомственными династиями (шахами, ихшидами, афшинами, дехканами, худатами) естественно серьезно ослабляло обороноспособность региона, делая его постоянным объектом иностранных интервенций и полигоном для междоусобных столкновений.

В период великого переселения народов, повсеместно низвергнувшего античные империи и создававшего на их месте новые варварские государства, Трансоксиана последовательно подверглась нескольким волнам атак конфедераций кочевых народов: хионитов, кидаритов, белых гунов и пр. Под их ударами рухнули остатки некогда могучего Кушанского царства. Среди упомянутых кочевых этно-политических союзов наиболее успешным и долговременным оказался проект гунов-эфталитов, переросший в созданное ими обширное государство с центром в завоеванном Согде. Впрочем, как показали последующие события, основанное государство оставалось рыхлым и не пользовалось искренней поддержкой оседлого населения.

В середине VI в., ворвавшаяся в среднеазиатское междуречье тюркская конница, сокрушила власть эфталитов и на ближайшие сто лет установила в крае свое безраздельное военное доминирование.

² В.В. Гусаков, *Армянские письменные источники о международном положении Центральной Азии в эпоху поздней античности (III-V вв. н.э.)*, Вопросы истории Кыргызстана, т 2, 2009, с 67-73.

³ Б.И. Вайнберг, *Эфталитская династия Чагания и Хорезм*, Нумизматический сборник Гос. Ист. Музея, М., 1972, Вып. III, ч. 4, с. 3 - 24.

До той поры пока тюрки были в состоянии обеспечивать местному населению внешнюю безопасность и неограниченные возможности для транзитной торговли на бескрайних просторах Великого каганата, последнее воспринимало свое подчиненное положение спокойно.

Расцвет военно-политической мощи каганата обусловил значительное усиление роли Трансоксианы в международной и особенно трансконтинентальной торговле по Великому шелковому пути. Традиционно серьезной проблемой торговли по Шелковому пути было наличие на его протяжении значительного числа мелких государств, контролировавших его небольшие участки и обогащавшихся за счет таможенных пошлин, собираемых с проходящих караванов. Подобный «произвол» многочисленных посредников неизбежно приводил к многократному удорожанию товаров, перемещаемых с Дальнего Востока на Запад и наоборот, значительно обесценивал результаты трансконтинентального обмена. С помощью своей завоевательной политики тюркским каганам во многом удалось устранить эти нежелательные препятствия с трассы Великого шелкового пути и подчинить ее себе на значительном протяжении: от китайского Дуньхуана до иранского Мерва и переправ через Окс (Аму-Дарью).

С одной стороны, безопасность перемещения людей и товаров, обеспеченная авторитетом мощной тюркской империи, единая фискальная политика на всей ее территории способствовали серьезному оживлению торговли. С другой, тюркскую военную элиту мало интересовали экономические аспекты организации торговых операций, ее привлекало исключительно присвоение, приносимых ими доходов. Не удивительно, что вся внешнеторговая политика в каганате формировалась в городах Трансоксианы – признанных центрах ремесла и торговли.

Через территорию среднеазиатского междуречья проходили сразу несколько маршрутов Шелкового пути. При этом, жители Трансоксианы не ограничивались исключительно посредническими услугами, – согдийские товары, в частности местные ремесленные изделия, разнообразная сельскохозяйственная продукция пользовались стабильным спросом за рубежом.

Самым крупным центром международной торговли был Самарканд. По свидетельству очевидца, китайского паломника Сюань Цзяна (начало VII в.), в этом городе накапливалось большое количество иноземного товара, сюда по торговым делам приезжало много иноземных купцов⁴. Активную торговлю вели Бухара, Худжанд, Фергана, Чач и многие другие города и области. Пайкенд называли городом купцов, его жители отправлялись торговать в отдаленные страны, в Китай, а также вели морскую торговлю⁵. В международной торговле принимали участие не только города, но и крупные селения. Так, из бухарского селения Зандана хлопчатобумажные ткани вывозились в отдаленные страны - Персию, Ирак, Сирию и Индию⁶.

Свидетельством торгового значения Самарканда служит название его восточных ворот - «Дари Чин», т.е. Китайские ворота. В китайской хронике упоминается о прибытии в китайский город каравана согдийских купцов, который с любопытством разглядывали японские паломники. По-видимому, сами китайцы довольно часто видели такие караваны, а для японских паломников это было в диковинку, что и не преминул зафиксировать автор хроники. Много согдийцев и тохаристанцев, занимавшихся в основном торговлей, проживало в западной столице Китая, городе Чанъане, а также в городе Лян-чжоу, расположенном в районе караванного коридора, ведущего на запад в Среднюю Азию⁷. Китайские хроники часто упоминают о богатых персидских купцах, к которым они, видимо, часто относили и среднеазиатских иранцев (согдийцев, тохаристанцев, ферганцев, чачцев и др.).

Осваивая трассу Шелкового пути в пределах Великого каганата, выходцы из Трансоксианы повсеместно оборудовали собственные торговые фактории и караван-сарай, призванные обеспечивать оперативность и бесперебойность товарооборота. Такие поселения

⁴ Н.Я. Бичурин, *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, Л., 1950, т. II, с.281, 310.

⁵ *The history of Bukhara* (Transl. From a Persian Abridgement of the Arabic Original by Narshakhi by R.N. Frye), Cambridge, 1954. p. 20.

⁶ *The history of Bukhara ...* p. 17.

⁷ Э. Шефер, *Золотые персики. Самарканд. Книга о чужеземных диковинках в империи Тан*, М., 1981. с 37-39.

возникли на нижней и средней Сырдарье, в Испиджабе, Хафтруде, на северных отрогах Тянь-Шаня, в Синьцзяне. В VI-VII вв. были основаны: Хамукат, Навакат, Карпирав, Бунджикат, Семеку, Испиджаб, Арсубаникент, Бадахжент, Буроб, Шавгар, Саврон, Турор, Зарох, Шагалчон, Балоч, Бурукат, Барух, Ягожат, Дахкат, Дах, Нучикат, Тироз, Дахинав, Кулон, Мираки, Нушикат, Локро, Шулчи, Урду, Навикас, Шави, Каток, Дил, Чаргирд - города с однозначно согдийскими названиями, культурой и планировочной схемой⁸.

Таким образом, на всем протяжении от китайской до иранской границы главная торговая артерия древности и средневековья отныне проходила через согдийские города и поселения, а проживавшие в них купцы на сто с лишним лет превратились в ее основных модераторов. Подобное выигрышное геоэкономическое положение позволяло среднеазиатским владениям получать большие прибыли от посреднических операций, а также выгодно развивать собственные внешнеэкономические связи.

Однако, по мере военно-политического ослабления тюрок ввиду раскола их государства и усиления позиций их основных противников, тюркско-согдийские отношения ухудшались, зачастую становились враждебными. С другой стороны, неоднократно подтвержденная неспособность ослабевших каганов одержать верх над консолидированными силами главных согдийских владений, свидетельствовала об уравнивании потенциалов противоборствующих сторон, делала их отношения равноправными. Подобный баланс сил и интересов, стал особенно очевиден со второй половины VII в., после падения в 657 г. Западно-Тюркского каганата.

После серии своих эффектных побед на Ближнем и Среднем Востоке в 50-60-х годах VII в. арабы завоевали Хорасан и основали здесь специальное наместничество с центром в Мерве. Хорасанское наместничество стало базой для продолжения завоеваний на Востоке, а наместник Хорасана как правило возглавлял армии вторжения или набеговые операции за Амударьей, в местности,

⁸ В.В Гусаков, *Эволюция среднеазиатской махаллы (от средневекового феодализма к элементу традиционного общества)*, - Казахстан спектр, 2009, № 2, с. 81-88.

прозванной арабами Мавераннахр (букв. «то, что за рекой»). От грабительских рейдов к планомерному захвату Мавераннахра арабы перешли после назначения новым хорасанским наместником энергичного Кутейбы ибн Муслима. За недолгий период своего наместничества (705-712 гг.), ему удалось захватить основные согдийские политико-экономические центры Самарканд и Бухару, значительно продвинув границы завоеваний мусульман в глубину Центральной Азии.

В 707 и 708 гг. Кутейба дважды предпринимал походы в Бухарский оазис, но всякий раз наткнулся на организованное сопротивление объединенных сил дихкан Бухары, Самарканда и, приходивших им на помощь тюрок. При этом фактически повторилась геополитическая коллизия VI в.: Великий тюркский каганат и Согдиана совместно противостоящие центрально-азиатской экспансии Ирана. Только теперь место могучего государства тюркютов занял Каганат тюркешей, а из-за Амударьи согдийским владениям угрожали новые хозяева Хорасана арабы; не будучи искушенными, в нюансах этногенеза степных народов, последние продолжали называть всех евразийских кочевников тюрками.

В 709 г. настойчивый Кутейба снова появился в Бухарском оазисе и напал на варданхудата (владельца Варданы) – одного из самых сильных и влиятельных владельцев нижней части Зеравшанской долины. На помощь к нему прибыли согдийцы во главе с ихшидом Самарканда Тархунем, а также многочисленные тюркские отряды. Союзная армия окружила арабов и быть бы им полностью уничтоженными, если бы Кутейба не пошел на хитрость. Через подосланного воина по имени Хаяна ан-Набасти он велел сказать самаркандскому ихшиду: «Твое царство ушло из твоих рук, а ты ничего не знаешь». Озадаченному Тархуну арабский лазутчик пояснил: «Мы можем оставаться здесь только до тех пор, пока жарко, а теперь погода становится холодной, и нам придется уйти. Пока мы здесь, тюрки сражаются с нами, а когда мы уйдем отсюда, они начнут войну против тебя, потому, что область Согда очень хороша – подобного ей места нет в мире по прелести. Так можно ли рассчитывать, что они оставят тебе Согд и пойдут в Туркестан? Тебе

будет очень трудно, когда они отнимут у тебя твое царство». Подобная перспектива произвела сильное впечатление на Тархуна, незадачливый самаркандский государь даже поинтересовался у Хаяны что же ему теперь делать. На что тот ответил: «Заклучи мир с Кутейбой, подари ему что-нибудь и сделай вид, что мы получили поддержку от Хаджаджа (наместник Ирака) и что нам на помощь идет много войска. Ты скажи, что отступишь, и они тогда тоже отступят»⁹. Приняв арабскую ложь за чистую монету, Тархун заключил с Кутейбой скоропалительный мир, оставил ему заложников и поспешно отступил. Преданные согдийцами степняки также вынуждены были удалиться восояси. Справедливости ради, следует отметить, что отчасти предостережения Кутейбы подтвердились. Не получив обещанной при разгроме арабов добычи, тюрки принялись грабить согдийские придорожные селения.

Разобзив, таким образом, своих противников и добившись ухода опасной тюркской конницы, Кутейба без труда подчинил Вухару и Самарканд. Власть над Мавераннахром показалась арабам настолько прочной, что они стали совершать походы и в гораздо более отдаленные земли: Хорезм, Чач, Илак, Фергану, Испиджаб. Уже в 715 г. Кутейба дошел до Кашгара.

Между тем крутые меры оккупационных властей: установление тяжелого налогового бремени, практика взятия заложников, насильственные мобилизации и реквизиции для ведения бесконечных завоевательных войн спровоцировали в целом ряде городов Согда стихийный взрыв недовольства новыми порядками. В начале 720 г. в стране началось крупное восстание, имевшее своей целью очистить ее от арабов. Вновь прибывшие на помощь восставшим, дружины степняков заперли в цитадели Самарканда арабский гарнизон и, разбив, шедшую ему на выручку подмогу, заставили осажденных капитулировать.

Новый наместник Хорасана Саид ибн Абдулазиз, по прозвищу «Хузайна» (720-721 гг.), два раза лично водил войска против восставшего Согда, но успеха не имел. Военные неудачи, практически уничтожившие власть арабов в Мавераннахре, вызвали

⁹ The history of Bukhara ...p. 61.

в халифате озабоченность на самом высоком уровне. Наместник-неудачник был заменен на Саида ибн Амара ал-Хараша, который по своей жестокости и хитрости сильно напоминал Кутейбу. Новый назначенец прекрасно знал, где находится слабое место в обороне противников. Подобно Кутейбе ему каким-то образом удалось внести разброд и шатания в их коалицию и добиться отхода тюркских бегов от дальнейшей вооруженной борьбы.

С их уходом, неспособность согдийцев самостоятельно и открыто противостоять закаленным постоянными войнами арабским армиям, стала особенно очевидна. Большинство местных владетелей, примкнувших ранее к восстанию, сложили оружие, а наиболее непримиримые группы вынуждены были отступить в труднодоступные горные районы, где продолжили борьбу, обороняя неприступные крепости и замки. В конечном итоге, судьба этих групп была трагичной.

Вполне осознавая силу исламизации для окончательного покорения края, арабские правители прилагали большие усилия для обращения местного населения в ислам, прямо увязывая принятие новой веры с отменой обременительных налогов для «неверных». Направленные в 728 г. в Самарканд проповедники Абусайда Салиха ибн Тарифа и ар-Рабиа ибн Омрана имели на своем поприще большой успех. Народ, отчаявшийся свергнуть иго чужеземных завоевателей с оружием в руках, предпочитал массово переходить в ислам, в надежде освободиться от уплаты джизьи и хараджа¹⁰.

Неожиданно столкнувшись с массовыми недоимками при пополнении госбюджета хорасанское наместничество попробовало, было отыграть ситуацию назад и отменить налоговые льготы. Это вызвало ярость обманутых согдийцев и спровоцировало новое восстание.

Его центром стал Бухарский оазис. Сюда, по просьбе местных дижжан прибыло тюркское войско во главе с самим каганом. Весной 729 г. против Согда с карательной армией выступил хорасанский наместник Ашрас ибн Абдаллах ас-Сулами (727-729 гг.). Каган со

¹⁰ В.А. Litvinsky, M.I. Vorobyova-Desyatovskaya, *Religion and religious movements, History of civilizations of Central Asia. The crossroads of civilizations: A.D. 250 to 750*, 1996, p. 421-448.

своей конницей встретил его на переправе через Амударью возле Амуля и почти три месяца не позволял переправиться на правый берег. Здесь произошло несколько локальных сражений, почти всегда заканчивавшихся неудачно для арабов. Однако Ашрасу все же удалось переправиться через реку и продвинуться до Пайкенда, где он расположился лагерем. Здесь арабы попали в окружение и оказались отрезаны от воды. В результате плотной блокады 700 арабских воинов погибли от жажды. Только переброска многочисленного дополнительного контингента из внутренних районов халифата помогла деблокировать окруженную армию и вытеснить тюркские отряды из Бухарского оазиса.

Однако вскоре после возвращения этих войск на родину весной 731 г. согдийцы снова восстали и совместно с тюрками напали на гарнизон Самарканда. При этом отдельные районы Согда вновь перешли в руки восставших. Самаркандский наместник арабов Саура ибн ал-Хурри написал своему хорасанскому коллеге Джунайду ибн Абдуррахману, чтобы тот немедленно шел ему на помощь. Получив паническое письмо Сауры, Джунайд быстро отправился в путь и, перейдя Амударью, прибыл в Кеш. Из Кеша в Самарканд шли две дороги: одна через горы, а другая - по степи (равнине). Степная дорога казалась Джунайду очень опасной, потому что уже было лето, и он боялся, что враги могут поджечь траву и кусты. Поэтому, считая, что «смерть от меча лучше, чем смерть от огня», он избрал дорогу через горы¹¹. Как и ожидал Джунайд, по дороге на него напали объединенные силы согдийцев, тюркешей, чачцев и ферганцев во главе с каганом.

Согласно рассказу Табари, их встреча произошла в одном из горных ущелий, не доходя 4 фарсахов до Самарканда¹². Битва сразу приняла ожесточенный характер, арабские силы понесли значительные потери. Джунайд, оказавшись на краю гибели, затребовал немедленную помощь из Самарканда. Саура сперва ответил отказом, но после второго грозного письма, назначив на свое место Мусу ибн Асвада, с 12 тысячами воинов выступил на

¹¹ Мухаммед ат-Табари. *История*. Ташкент, 1987, т. II, с. 1533.

¹² Мухаммед ат-Табари. *История ...* с. 1534.

соединение с Джунайдом¹³. Чтобы не дать врагам объединиться, союзники, оставив немногочисленный заслон против хорасанцев, всеми силами обрушились на Сауру. На расстоянии всего одного фарсаха от места битвы, они перехватили и наголову разбили спешащее на помощь подкрепление. Из 12 тысяч воинов удалось спасти только тысяче, все остальные были уничтожены, погиб и сам самаркандский наместник. Правда, воспользовавшись отвлечением главных тюркских сил, Джунайд смог прорвать кольцо окружения и уйти в Хорасан.

Провальный для арабов итог кампании, повысил военный и политический авторитет Тюргешского кагана, привлек на его сторону новые силы. Когда в 727 г., назначенный взамен не справившегося Джунайда, Асад ибн Абдаллах напал на горный Хуттал, против него немедленно выступила мощная коалиция из согдийцев, жителей Чача, Хуттала и тюрок. Во главе коалиции встал каган Сулу. Поначалу союзники добились значительных успехов. Они полностью зачистили Мавераннахр от арабских сторонников, в частности разбили (и убили) чаганхудата (владельца Чаганиана), одного из последних серьезных среднеазиатских союзников арабов, хранивших верность халифу. Асад, находившийся в Хуттале и отчаявшийся обрести поддержку, обратился в бегство, торопясь скрыться на левом берегу Амударьи. Преследуя его, союзники тоже переправились через реку, правда, успели догнать только отряд, сопровождавший обоз с захваченным в Хуттале скотом. Для иллюстрации поспешного отступления арабов ат-Табари приводит следующее насмешливое четверостишие, сложенное таджиками Балха:

*Из Хуттала ты вернулся,
Опозаренным вернулся,
Сокрушенным ты вернулся,
Истощенным и растерянным вернулся.*¹⁴

Своим отступлением Асад сам перенес военные действия на левый берег Амударьи. Здесь к союзникам присоединился арабский оппозиционер Харис ибн Сурайдж. Кроме того, каган вызвал на

¹³ Мухаммед ат-Табари. История ... с. 1540.

¹⁴ Мухаммед ат-Табари, История ... с. 1602-1603.

помощь «жителей Тохаристана, тохарского джабгу, с их царями и чакирами, которых собралось 30 тысяч (человек)»¹⁵. В этот момент центрально-азиатская гегемония каганата не подлежала сомнению, а Сулу казалось, уподобился прежним великим каганам тюркютов.

Однако неожиданно военное счастье изменило тюргешам. Видимо, посчитав основные силы арабов разгромленными, а их сопротивление сломленным, каган рассредоточил свои войска, оставив при себе всего лишь 4 тысячи человек. Узнавший об этой оплошности Асад, немедленно перешел в контрнаступление и настиг Сулу недалеко от местности Хористон, где произошло решительное сражение. Битва закончилась победой арабов. Каган вместе с Харисом и остатками своих отрядов отступил в Уструшану, а оттуда ушел в Хафтруд (Семиречье). Вслед за этим Хутгаль был снова захвачен арабами, а те отряды тюрок, которые перед последним сражением рассредоточились по Тохаристану, были перебиты. Каган, вернувшись домой, сразу стал готовиться к новой войне. Однако взять реванш ему не удалось, вскоре он был убит, а его войны, лишившись вождя, рассеялись. Уже в следующем десятилетии каганат тюргешей прекратил свое существование. Оставшиеся без тюркской военной поддержки мятежные согдийские владетели еще связывали какие-то надежды с китайским вмешательством, но после разгрома арабами китайской армии вторжения в 751 г. теперь уже окончательно покорились арабскому правлению.

Таким образом, неоднократное прямое тюркское военное вмешательство оказалось не в состоянии остановить арабское завоевание Трансоксианы. Увы, превратившись в доисламскую эпоху в соседей, тюркские кочевники и земледельцы Согдианы так и не стали искренними союзниками. Их разобщенность сыграла роковую роль в захвате края арабами и вытеснении тюрок на периферию исламской Центральной Азии.

Интеграция Трансоксианы (отныне Мавераннахра) в мировую мусульманскую ойкумену, вызвала неизбежную фундаментальную перестройку внутреннего уклада региональных социумов, а также

¹⁵ Мухаммед ат-Табари, *История ...* с. 1604.

всей системы их внешних связей. Последнее негативно сказалось на развитии тюркско-согдийских отношений, к и без того существовавшему антагонизму между кочевниками и оседлыми земледельцами, усугубляемому расовыми различиями добавилось жесткое религиозное противостояние. С этого момента у земледельцев Мавераннахра формируется устойчивый стереотип о жестоких тюркских племенах, готовых разрушительным смерчем пронестись над его цветущими оазисами. Со своей стороны, тюрки платили согдийцам той же монетой, считая их неприспособленными к независимому существованию, неготовыми отстаивать собственную свободу с оружием в руках. Принципы взаимовыгодного сотрудничества и мирного сосуществования, определявшие тюркско-согдийские связи в доисламскую эпоху, в ближайшие несколько столетий сменились непрекращающимися пограничными столкновениями: лихими набегами гузов и карлуков, а также ответными карательными экспедициями согдийских эмиров.